

УДК: 811.221.3

*Пулатова Мадина Довутовна,
магистрант 2 курс,
отдел памирских языков,
Институт гуманитарных наук имени Б. Искандаров
Таджикистан, ГБАО*

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ШУГНАНО-РУШАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию лексической синонимии в шугнано - рушанском языке — одном из бесписьменных памирских языков. В первой части работы рассматриваются теоретические подходы к определению синонимии в языкознании, анализируются взгляды ведущих лингвистов на проблему тождества и близости значений. Нужно подчеркнуть, что синонимия в шугнанском языке выступает не только средством стилистической выразительности, но и точным инструментом отражения культурного кода и мировосприятия народа.*

***Ключевые слова:** шугнано – рушанский язык, лексическая синонимия, семантика, коннотация, бесписьменные языки, языковая картина мира.*

LEXICAL SYNONYMY IN THE SHUGHNI-RUSHANI LANGUAGE GROUP: THEORETICAL ASPECTS AND SEMANTIC DIFFERENTIATION

***Annotation:** The article is devoted to the study of lexical synonymy in the Shughni-Rushan language group, which belongs to the unwritten Pamir languages. The first part of the work examines theoretical approaches to the*

definition of synonymy in linguistics, analyzing the views of leading linguists on the problem of semantic identity and proximity.

It is emphasized that synonymy in the Shughni language serves not only as a means of stylistic expression but also as a precise instrument for reflecting the cultural code and the worldview of the people.

Keywords: *Shughni-Rushan language, lexical synonymy, semantics, connotation, unwritten languages, linguistic picture of the world.*

Проблема синонимии традиционно занимает центральное место в лингвистических изысканиях, однако, несмотря на длительную историю изучения, она до сих пор лишена однозначной интерпретации. В современном языкознании синонимия рассматривается как многоаспектное явление, находящееся на стыке семантики, прагматики и стилистики.

Для шугнано-рушанской группы памирских языков данная проблематика приобретает особую актуальность в силу их бесписьменного характера: в условиях отсутствия кодифицированной нормы именно синонимия становится ключевым механизмом сохранения и передачи тончайших смысловых нюансов.

Фундаментальный вклад в разработку этой темы внес Ш. Мирзоев. В его монографии «Синонимия в лексике бесписьменных языков (на материале шугнанского языка)» (2007 г.), а также в цикле статей, автор впервые провел системную классификацию лексем и синонимических рядов шугнанского языка, создав прочную теоретическую базу для дальнейших изысканий.

Вопросы синонимии также находили частичное отражение в работах и других отечественных исследователей. В частности, в одной из статей Ч. Назаршоевой анализируются синонимические ряды, связанные с родильной обрядностью. Это исследование наглядно демонстрирует, что синонимы являются неотъемлемым компонентом семантической структуры обрядовой

лексики и важнейшим средством экспрессивной выразительности ритуального дискурса [7, с. 15;17].

В данной статье, опираясь на труды Ш. Мирзоева, мы предпринимаем попытку более детального анализа семантической структуры синонимических рядов, что позволяет рассматривать синонимику как один из главных факторов обогащения экспрессивных возможностей языка. Изучение этой области открывает широкие перспективы для решения задач культуры речи, стилистики и лингвокультурологии.

Таким образом, синонимия в шугнанском языке не просто дублирует значения, но служит мощным инструментом создания лексического образа. Она отражает культурно-значимые коннотации и динамизм живой речи, выступая богатейшим арсеналом для решения самых сложных стилистических и выразительных задач в условиях отсутствия письменной фиксации норм.

Как отмечают исследователи, если обратить внимание на связь мира слов с миром понятий и на способность развивающегося языка все полнее выражать наши знания о действительности, становится очевидным: синонимы, будучи разными словами, выражают единое понятие в целостной совокупности его признаков [1, с.513]. В шугнанском языке эта близость значений позволяет не просто дублировать смыслы, но и детализировать человеческий опыт.

Синонимический ряд состояний усталости, в котором входят мот, мофā, мотат мофā, майдā, выражают общие понятия физического или психического истощения, однако примеры употребления указывают на различия в интенсивности и причинах состояния. Слово мот выступает как наиболее общее, стилистически нейтральное обозначение усталости. Например: «азум мот, тā мури тарғузā луви» — я устал, а ты еще мне колкости говоришь [3, с. 250]. Здесь «мот» отражает текущее состояние субъекта, делающее его чувствительным к негативному общению. Парные

синонимы мотат моф̄а обладают оттенком предельной степени истощения, изнеможения, часто возникающего в результате длительного физического усилия. На примере это становится понятнее: «диборагий̄ам мотат моф̄а сат ас х̄иновари» — мы совсем изнемогли от плавания. Употребление двух синонимов рядом, или парами (мот и моф̄а) подчеркивает кумулятивный эффект усталости.

Социально-этическая оппозиция: «камба́гал — дарм̄унт̄а — фа́кір — кашшо́к». Этот ряд наиболее ярко демонстрирует, как синонимия в шугнанском языке выходит за рамки простого обозначения материального статуса, включая в себя морально-этическую оценку. слово камба́гал обозначает объективную принадлежность к малоимущему слою. Необходимо отметить специфику функционирования данных единиц в живой речи и художественном пространстве языка. Лексемы **камба́гал** и **дарм̄унт̄а** характеризуются высокой частотностью и являются наиболее употребительными в повседневной речевой практике современных носителей шугнанского языка. В то же время лексемы **фа́кір** и **кашшо́к**, представляющие собой заимствования, имеют иную стилистическую дистрибуцию: они чаще встречаются в текстах фольклорного жанра (сказках, легендах, эпических сказаниях) и в речи представителей старшего поколения, что придает им оттенок архаичности или особой экспрессивности.

Ниже представлен детальный семантический анализ данного ряда, позволяющий выявить дифференциальные признаки каждой лексемы на основе контекстуального использования»:

Слово камба́гал — выступает как базовое, нейтральное обозначение принадлежности к малоимущему слою. В наших примерах в первом случае акцент делается на социальном происхождении: «*йу хубаџ ас синфи камба́гал ву́дь*» — «он сам происходил из бедняков» [3, с. 81]. Во втором случае лексема используется для описания крайней бытовой неустроенности: «*ма̄иш амсой̄айенен дис камба́гал, пил̄есаџ веф̄ н̄ехти нист*» — «наши соседи такие

бедные, что даже на ногах (на подошвах) у них нет дорожек». Здесь слово подчеркивает объективное отсутствие самых необходимых материальных благ.

Другое синонимичное слово *дармўнтā* наиболее специфичный член данного ряда. Так как несмотря на словарное определение «разоренный, неимущий» [2, с. 430], в живой речи и миропонимании носителей языка слово приобретает коннотации притворства и скупости. В контексте «*йā лувль, тўт донд дармўнтā йиде, йи чїзаџ тунд нист*» («ты так беден, что ничего у тебя нет») может звучать ирония или упрек. Ключевое отличие от слова *камбагал* заключается в том, что *дармўнтā* это «бедность духа», т.е. человек может обладать благами, но транслировать образ нищего, чтобы не делиться с окружающими. Это подтверждается примером: «*йā ик дис дармўнтā соф сиц иди*» она стала такой скупой. Таким образом, семантика слова смещается от экономического состояния к черте характера.

Слово **факїр** — заимствование из арабского языка, которое привносит в контекст оттенок смиренной бедности и духовного достоинства. Например: «*му боби лўд факїрунā зиндаги мāшанд вудат осойахат йакльо вуд мардум*» («дедушка сказал: у нас была бедная жизнь, но было тихо и люди жили дружно»). Здесь бедность (нищета) не воспринимается как порок или трагедия; акцент смещен на мирное сосуществование и внутренний покой, что характерно для восточной традиции понимания термина «факир».

Слово **кашшоќ** также заимствованная лексема, которая, в отличие от предыдущих, акцентирует внимание на беспросветной нищете, часто вызванной фатальными внешними обстоятельствами или непреодолимым упадком. Например: «*дѣданд кашшоќи вуд*» («в годы войны были нищими») указывает на массовое бедствие, лишившее людей средств к существованию. В предложении «*вузта ар веф чїд наниџум вефанд кашоќ зиндаги*» («я не буду жить в их доме, они живут в нищете») подчеркивается крайняя степень

деградации бытовых условий, которая вызывает у говорящего не сочувствие (как при *факір*), а нежелание соприкоснуться с такой средой.

Градация состояний дезориентации: «кайак — гаранг — калпатā». Этот синонимичный ряд отражает нарастание степени воздействия внешних или внутренних факторов на сознание человека. Слово кайак обозначает состояние «обалделости» или тупоумия, часто вызванное чьими-то действиями. Например: «тамайет кайак, хароб ху кинет» — вы обалдели, изводите себя [3, с. 72]. Также может указывать на результат опьянения: «дас кайакат мāш чўг» — ты очень изводил нас (будучи пьяным). Слово гаранг обладает более широкой семантикой (рассеянность, растерянность). Например: «аляб гаранг бачāt ту най» — какой ты рассеянный мальчик. Может описывать физическое состояние от внешних факторов: «ас гарми лāлд гаранг сām» — от жары я быстро дурею [2, с. 377]. Слово калпатā доминанта ряда по силе экспрессии. Обозначает высшую степень изнурения. Сравнение: если в предложении «дāд зуликенен мāш гаранг чўд» — эти дети нас заморочили имеет просто «заморочить», то «ху нївдоу кати мāш калпатā чўд» — это доведение до крайней степени раздражения плачем детей.

Темпоральные категории: «даврā — замўнā — вахт» означают время, эпоха, период. Анализ этих лексем позволяет увидеть переход от конкретных исторических периодов к философскому пониманию времени. Слово даврā указывает на эпоху или период, связанный с чьей-то деятельностью. Например: «чирмак давранди...» — во время разведения шелковичных червей [2, с. 213]. Слово Замўнā часто ассоциируется с «миром» и глобальным порядком вещей. Например: «ас мам замўнā му зорд вирухт» — у меня терялся интерес к этому миру. или йам замўна кїн дарав сид этот период (или на земле) становится тяжелее; йу дис башанд одам вуд, замўнā мис вильāt нўд он был таким хорошим человеком, что сегодня земля тоже плачет (скорбитель) по нему. Слово вахт обозначает время как закономерность. Например: «ар чїз ху вахтанд» — все в свое время. Важно

отметить, что в контексте эти три лексемы (waхт, давр̄а, зам̄ун) могут заменить друг друга, т.е. являются полные синонимы: «Ми waхт бач̄а аск̄а ту ниғ̄ууд» «сегодняшняя молодежь никого не слушает». Трансформация одного слова в другое в данном случае не ведет к изменению смысловой нагрузки предложения, что позволяет классифицировать их в данных позициях как абсолютные синонимы.

Другой синонимичный ряд в нашей статье это гарган̄а и даќ̄ бе́дов что обозначает бродить, шляться, шататься, которые могут быть бесцельными или бесконечными. Данный синонимический ряд описывает процессы, связанные с беспорядочным движением или малопродуктивной деятельностью. Несмотря на общую семантику «бесцельного времяпрепровождения», слова различаются по вектору направленности действия (на субъект или на объект).

Слово гарган̄а — лексема, акцентирующая внимание на дезорганизованности жизненного пространства человека или его поведения. Она описывает бесконечные, часто изматывающие хлопоты или бесцельные скитания. Например: «ту гарган̄а кул насут» — «твоим хлопотам (скитаниям) нет конца». В данном контексте подчеркивается неисчерпаемость и хаотичность действий субъекта, которые не приводят к конкретному результату. Например: «ху ч̄ид ла́кен ху гарган̄а кинен» — «оставляют свой дом и шатаются (скитаются) без дела». Здесь слово приобретает оттенок социальной неукорененности.

Синоним даќ̄ бе́дов в отличие от предыдущего слова, чаще фокусируется на самом процессе совершения действия, которое характеризуется как «канитель», «шляние» или затянувшаяся, малоэффективная работа. Например: «пис woха́дум даќ̄ бод... х̄ум сут» — «я канителился (возился) с этим сеном, вот и стемнело» [2, с. 441]. Здесь лексема подчеркивает длительность и низкую продуктивность труда: действие совершается, но прогресс неоправданно замедлен. Если в случае с

гарганā мы видим хаос, то в даќ бедоw — избыточную, пустую трату времени на конкретное занятие.

Проведенный семантический и контекстуальный анализ нескольких групп синонимичных рядов в шугнанском языке позволяет сделать следующие выводы:

Связь слова и понятия: Исследование подтверждает теоретический тезис о том, что синонимия в бесписьменном языке является не просто стилистическим приемом для избегания тавтологии, а фундаментальным механизмом уточнения знаний о мире. Развитие синонимических рядов отражает стремление языка как можно точнее фиксировать нюансы человеческого опыта [1, с. 513].

Этнокультурная маркированность: На примере ряда «камбаѓал — дармўнта — фаќір — ќашшоќ» отчетливо видно, как синонимия вбирает в себя этический код народа, разделяя объективную нужду и субъективные качества личности (скупость, достоинство).

Динамизм и градация: Ряды, описывающие эмоциональные состояния («кайак — гаранг — калпатā») и характер деятельности («гарганā — даќ бедоw»), демонстрируют способность языка выстраивать четкую шкалу интенсивности и результативности действий.

Контекстуальная эквивалентность: Выявлено, что в определенных ситуациях (особенно в темпоральной лексике «даwрā — замўнā — waxt») семантические различия могут полностью нейтрализоваться, превращая слова в абсолютные синонимы, что свидетельствует о гибкости лексической системы.

Таким образом, синонимика шугнано рушанского группы языков представляет собой живой инструмент отражения мира, в котором близость значений позволяет носителю языка максимально точно передавать тончайшие эмоциональные, социальные и экзистенциальные смыслы.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: избранные труды / Ю.А. Апресян. 2-е изд. М.: Изд-во РАН, 1995. Т. 1. 427 с.
2. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д.Карамшоев. Т.1. – М.: Наука, 1991. –575 с.
3. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д. Карамшоев. Т.2. – М.: Наука, 1991. – 615 с.
4. Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь в трех томах / Д.Карамшоев. Т.3. – М.: Восточная литература РАН, 1999.– 568 с.
5. Мирзоев Ш. Синонимия в лексике бесписьменных языков (на материале шугнанского языка) / Ш. Мирзоев. – Душанбе, 2007. – 211 с.
6. Мирзоев Ш. О системе синонимии в лексике шугнанского языка / Ш. Мирзоев. - Душанбе, 1998. - 28 с.
7. Назаршоева Ч. Лексико-семантический анализ лексики рождения ребенка на шугнанском языке/Ч. Назаршоева//Вестник Хорогского университета.- “ 2(18). – 2021. – С. 14-24.
8. Некушоева Ш. Лингвокультурологические аспекты предметно-бытовой лексики: номинация ёмкостей и приспособлений для транспортировки грузов / Ш. Некушоева // Вопросы гуманитарных наук, №1. - Душанбе, Сифат-Офсет. 2025. – С 25-36.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. - М.: Знание, 1973. С. 13-27.